Проблемы частного права / Problems of the private law

Научная статья

УДК 346.9

doi: 10.17223/22253513/55/8

Оценка эффективности законодательства в сфере предпринимательской деятельности

Валентина Вячеславовна Кванина^{1,2}

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

^{1,2} kvaninavv@susu.ru

Аннотация. Представлен системный анализ института эффективности законодательства в сфере предпринимательской деятельности, элементами которого являются процедуры и критерии оценки эффективности. Обозначены проблемы по процедурам оценки (экспертиза, пояснительная записка, финансово-экономическое обоснование к проекту нормативного правового акта, оценка регулирующего воздействия, оценка фактического воздействия). Сделан вывод об отнесении к критериям оценки эффективности законодательства конституционных ценностей, принципов установления и применения обязательных требований, экономических критериев, в том числе предложенных в рамках экономического анализа права, которые должны применяться в совокупности. Решением многих проблем по исследуемым вопросам автор видит в принятии федерального закона о нормативных правовых актах, в котором целесообразно закрепить законотворческий процесс и процедуры оценки эффективности законодательства.

Ключевые слова: критерии оценки эффективности законодательства, экономический анализ права, предпринимательская деятельность, экспертиза, пояснительные записки, финансово-экономическое обоснование, оценка регулирующего воздействия, оценка фактического воздействия, принципы установления обязательных требований

Для цитирования: Кванина В.В. Оценка эффективности законодательства в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55. С. 89–107. doi: 10.17223/22253513/55/8

Original article

doi: 10.17223/22253513/55/8

Assessment of the effectiveness of legislation in the field of entrepreneurial activity

Valentina V. Kvanina^{1,2}

¹ South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

^{1,2} kvaninavv@susu.ru

Abstract. The article presents a systematic analysis of the institute for the effectiveness of legislation in the field of entrepreneurial activity, the elements of which are procedures and criteria for evaluating effectiveness.

The procedures include an examination, an explanatory note, a financial and economic justification for the draft regulatory legal act, an assessment of the regulatory impact, and an assessment of the actual impact. Problems have been identified for each of these procedures.

For example, upon examination of a draft regulatory legal act, it was established that the current legislation does not disclose their contents, with the exception of linguistic expertise.

An analysis of the content of the procedures "explanatory note" and "financial and economic justification for the draft regulatory legal act" indicates that they are mainly devoted to the economic aspects of the adoption of the draft legal act and to a certain extent duplicate the content of the regulatory impact assessment procedure. In addition, they do not provide a description of the social effect of the implementation of the draft act for different categories of citizens.

In turn, the assessment of the actual impact does not include an analysis of the existence of a proper legal mechanism for the implementation of a legal act and the frequency of amendments and additions to the act, the presence / absence of contestation of the act, the identification of the social effect of its implementation; in some areas of regulation, this procedure is absent.

Regarding the criteria for evaluating the effectiveness of legislation, the author concludes that they include constitutional values, principles for establishing and applying mandatory requirements, and economic criteria (including those proposed in the framework of an economic analysis of law) that should be applied collectively.

The author sees the solution to many problems on the issues under study in the adoption of the federal law on regulatory legal acts, in which it is advisable to consolidate the legislative process and procedures for evaluating the effectiveness of legislation, which has been repeatedly raised in the literature. Currently, in the absence of a basic law on regulatory legal acts in the Russian Federation, the general provisions on the adoption, amendment, and application of the NPA are dispersed in different acts. For example, in Part 7 of Article 3 of the Federal Law "On Mandatory Requirements in the Russian Federation".

Keywords: criteria for evaluating the effectiveness of legislation; economic analysis of law; entrepreneurial activity; expertise; explanatory notes; financial and economic justification; assessment of regulatory impact; assessment of actual impact; principles of establishing mandatory requirements

For citation: Kvanina, V.V. (2025) Assessment of the effectiveness of legislation in the field of entrepreneurial activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 55. pp. 89–107. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/55/8

Введение

Российская Федерация является правовым и социальным государством (ст. 1 и 7 Конституции РФ). Это предполагает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства; политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В достижении подобного результата большая роль отведена законодательству, которое по содержанию и форме должно быть эффективным.

Проблема эффективности законодательства уже не одно десятилетие является объектом внимания и острейших дискуссий ученых и правоприменителей. В фокусе их внимания находятся критерии и процедуры оценки эффективности законодательства. Исследуют данную проблему не только юристы, но и экономисты, в том числе в рамках концепции экономического анализа права, сутью которой является эффективное распределение в обществе ограниченных ресурсов.

Концепция экономического анализа права. Критерии оценки эффективности законодательства

Сама концепция, ее подходы к оценке эффективности законодательства являлись объектом многочисленных комментариев, поэтому ограничимся только перечислением предложенных в ее рамках критериев эффективности: а) соотношение «затрат – выгоды», максимизация общественного благосостояния; б) допущение о рациональном поведении субъектов правоотношений; в) создание правовых норм, способствующих созданию стимулов у рационально мыслящих людей к определенному поведению [1. С. 42–45, 60–63, 122–127]. Данные критерии базируются на соотношении результата принятия нормы права и цели ее принятия, затрат на ее исполнение, потребностей в ней, ценности ее принятия.

Концепция экономического анализа права с ее критериями имеет как своих противников, так и сторонников. Например, известный американский политолог И. Шапиро следующим образом прокомментировал вывод Р.А. Познера о том, что уголовное право куда суровей наказывает правонарушителя, совершаемые бедняками, в силу отсутствия у них средств для выплаты компенсаций потерпевшим, а угроза наказания не способна их остановить. Такое «использование принципа эффективности для описания системы, дискриминирующей бедных, не способно ничего сказать о ее нравственной привлекательности; это возможно лишь в том случае, если такое описание будет дополнено тезисом, доказывающим, что эффективность более желательна, чем равенство всех перед законом» [2. С. 42].

В категоричной форме в отношении экономического анализа права высказались и многие ученые-юристы. Например, С.А. Сеницын считает, что анализ «основан не на методах и алгоритмах юридической и экономической

наук, а представляет собой идеологическое средство воздействия на правосознание и состояние правового регулирования в интересах лоббирования конкретных законодательных инициатив» [3. С. 139]. Автор не отрицает взаимосвязь между экономикой и правом, но справедливо замечает, что сам экономический анализ основан на точных научных методах наблюдения, анализа, оценки, моделирования, прогнозирования, «не предполагает возможности применения обобщенных выводов, а претендует на точность оценок. Экономический же анализ права основан на критериях эффективности, рациональности и целесообразности поведения хозяйствующих субъектов, что приводит к размытости получаемого результата и оценочности суждений» [3. С. 139; 4]. Автор также поднимает, на наш взгляд, очень важный вопрос о выборе приоритетов, когда участники экономической деятельности не находятся в равном положении и при этом имеют различные или эгоистические целеполагания в реализации экономического интереса. В этих ситуациях целевая направленность экономического анализа права, как полагает автор, не позволит «защитить интересы слабой стороны в правоотношении, обеспечить проведение социальных реформ в обществе, но будет способствовать изоляции права от социального субстрата регулируемых им общественных отношений». При утрате нравственности в праве ничто не помешает реализации экономического интереса в экстремальных формах: «сокращение населения планеты, отказ от социальных гарантий нетрудоспособного населения и т.д.» [4]. Данная мысль им продемонстрирована на примерах институтов частного (вещного, договорного, наследственного права) и публичного права, сферы охраны окружающей среды и др. [3. С. 144–145].

Другой противник концепции экономического анализа права, Е.А. Суханов, указывает на главное принципиальное различие между экономическим и правовым регулированием. Если для первого основной целью является достижение наиболее эффективного результата, то для правового регулирования – достижение социально справедливого результата. В то же время он не отрицает возможности применения концепции экономического анализа права к отношениям с участием предпринимателей, главным образом договорным. В результате автор приходит к выводу, что в основе современных правовых исследований должен лежать не «экономический анализ права», а «правовой анализ экономики» [5. С. 88, 91, 93]. В отношении последнего вывода аналогичной позиции придерживается и С.Н. Шишкин, считающий, что в основе данной концепции должны лежать важнейшие конституционные цели, ценности и принципы [6. С. 16–20].

Отрицает необходимость применения экономического анализа права и А.М. Лушников, обращающий внимание на разные основы экономики и права. Для экономики – это «эффективность, целесообразность, рациональность, детерминизм», а для права – «справедливость, формальное равенство, свобода, гуманизм» [7. С. 87].

Что касается сторонников концепции экономического анализа права – юристов, то следует отметить, что одни из них в полной мере ее поддерживают [8. С. 59–60], другие – частично. При этом отдельные из них оценивают

возможность применения концепции только с позиции публичного либо частного права. Относительно к публичному праву одни авторы считают возможным применение концепции экономического анализа права ко всем институтам права, но с оговоркой, что при этом «нельзя отказываться от труднодостижимых на практике конституционных идеалов» [9. С. 39]. Другие авторы видят возможность использования концепции только при разрешении отдельных споров в публичном праве [10. С. 95–103].

О возможности применения концепции экономического анализа права по отношению к частному праву отдельные юристы говорят безоговорочно [11. С. 95–103], другие – «при условии использования и важнейших черт гражданского законодательства (добросовестности и справедливости)» [12. С. 57], «с учетом многочисленных неэкономических факторов» [13. С. 3–5; 14].

Анализ точек зрения, поддерживающих возможность применения концепции экономического анализа права к оценке эффективности законодательства, свидетельствует, что многие авторы при этом видят необходимость одновременно применять и конституционные ценности («общее благо; стремление обеспечить благополучие и процветание России; права и свободы человека и гражданина; справедливость; соразмерность; пропорциональность; равенство, социальное государство; верховенство права и конституционная законность» [6]), принципа добросовестности и др. При создании правовых норм, а следовательно, и при оценке их эффективности, должны также учитываться и принципы, закрепленные в ст. 75.1 Конституции РФ: социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Как отмечает Е.П. Губин, «экономическая солидарность предполагает реализацию принципов справедливости, добросовестности, разумности в реальной экономической жизни и в праве: законодательстве, правоприменении, в том числе и в судебной практике» [15].

К сожалению, данные ценности и принципы не всегда находят свое отражение в нормах права и в жизни. Как заметил В.Д. Зорькин, Председатель Конституционного Суда РФ, Российская Федерация еще далека от реализации положений ст. 7 Конституции РФ, и что в рамках понятия права есть необходимость в согласовании «достижений русской философии права – разум и дух, свободу и милосердие, право и правду, индивидуальное и социальное начала» [16].

Данная позиция Председателя Конституционного Суда РФ подтверждает мысль о том, что именно человек с его интересами, правами и свободами должен лежать в основе принятия нормативного правового акта (НПА), и что только такое законодательство может быть эффективным. В противном случае, «как только человек оказывается средством, а не целью, можно с уверенностью говорить о том, что эффективного регулирования в этом случае уже не будет по определению» [17. С. 25].

Кроме вышеназванных критериев оценки эффективности законодательства (экономических, конституционных) безотносительно концепции экономического анализа права, в литературе предложены и другие критерии. Например, реализуемость и транслируемость [18]; «четкость, лаконичность,

непротиворечивость и простота изложения правил поведения субъектов предпринимательства; наличие в доктрине и нормативных актах целостного ряда правовых дефиниций, определяющих сущность наиболее значимых правовых явлений в реальном секторе экономики, а также достижимость и экономическая обоснованность в нормативных актах целей и задач при помощи закрепленных в них соответствующих правовых средств» [19. С. 13].

В отношении критериев, предложенных О.А. Герасимовым, В.С. Белых полагает, что они представляют собой теоретико-философский взгляд на эффективность и навряд ли смогут быть использованы на практике [20]. На наш взгляд, указанные О.А. Герасимовым критерии оценки эффективности норм права касаются содержания нормы права (за исключением последнего критерия, который относится к цели принятия НПА), и они очень важны при ее построении. Например, в ст. 7 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ (далее Закон об обязательных требованиях) указанные свойства нормы права отнесены к принципу правовой определенности установления обязательных требований.

Таким образом, в основе оценки эффективности законодательства должны лежать конституционные цели, ценности и принципы, а также предложенные юридической наукой критерии. Но поскольку они часто носят оценочный характер и не подвержены точным измерениям, постольку необходимо использовать и экономические критерии. Как отмечает М.Н. Семякин, они только расширяют подходы к определению эффективности законодательства [12. С. 57]. Однако при этом не надо забывать, что и в праве разрабатываются методики качественной и количественной оценки эффективности норм права [21, 22], и, соответственно, под эффективностью правовой нормы понимается «свойство нормы права, оцениваемое на основании количественного и качественного анализа множества актов ее реализации, отражающее пригодность этой нормы в заданных условиях достигать требуемых результатов при определенном количестве затраченных ресурсов» [23. С. 99].

Процедуры оценки эффективности законодательства. Умное регулирование

Оценка эффективности законодательства возможна в рамках разных процедур. Остановимся на отдельных из них.

Экспертиза. В Регламентах Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ и Правительства РФ предусмотрены общественная, юридическая, лингвистическая, независимая, социально-экономическая, антикоррупционная, правовая, научная, научная правовая, нравственно-философская, педагогическая, обязательная метрологическая, независимая антикоррупционная экспертиза и др. (набор видов экспертиз в регламентах разный). При этом в них не раскрывается их содержание, за исключением лингвистической экспертизы (ч. 7 ст. 121 Ре-

гламента Государственной Думы Федерального Собрания РФ). Это приводит к общим проблемам «теоретического осмысления и роли рассматриваемого института в законотворческой деятельности в целом» [24].

Вызывает особый интерес юридическая, правовая и научная правовая экспертизы. Закономерно возникают вопросы: чем отличается юридическая экспертиза от правовой; должны ли эксперты в своем заключении по научной правовой экспертизе отразить соответствие положений проекта НПА доктринам, разработанным по соответствующим вопросам? В российском законодательстве на данные вопросы сложно найти ответы. Пробел восполняют различные рекомендации. Например, в п. 11 Методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, утвержденных приказом Минюста России от 31.05.2012 № 87, при проведении правовой экспертизы рекомендуется осуществить правовую оценку формы правового акта, его цели и задачи, предмет правового регулирования, компетенцию органа, принявшего правовой акт, содержащихся в нем норм, оценка соответствия правового акта требованиям юридической техники и др. В доктрине же под правовой экспертизой понимается выявление соответствия нормы права другим нормам права, обладающим более высокой юридической силой [25. С. 158].

Пояснительные записки и финансово-экономические обоснования к проектам НПА. Данные акты предусмотрены Регламентами Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ и Правительства РФ, а их содержание раскрывается в пп. 53 и 53(1) Регламента Правительства РФ. Пояснительная записка должна содержать, например, анализ правоприменительной практики, прогнозы социально-экономических, финансовых и иных последствий реализации предлагаемых решений, информацию о наличии или отсутствии в проекте акта требований, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Финансово-экономическое обоснование составляется к проектам актов, оказывающих влияние на доходы или расходы соответствующего бюджета бюджетной системы РФ. Оно должно содержать описание экономического эффекта от реализации проекта акта, оценку влияния реализации проекта акта на доходы и расходы соответствующего бюджета, юридических и физических лиц, финансовый, экономический и (или) статистический анализ текущей ситуации по решениям, предлагаемым к принятию проектом акта, прогноз экономических и иных последствий реализации таких решений и др.

Анализ содержания данных процедур свидетельствует, что в основном они посвящены экономическим аспектам принятия проекта правового акта и в определенной мере дублируют содержание процедуры оценки регулирующего воздействия. Кроме того, они не предусматривают представление описания социального эффекта от реализации проекта акта для разных категорий граждан. Как отмечают специалисты, данные процедуры оценки эффективности законодательства несовершенны и еще не было выявлено,

чтобы проекты НПА, принимаемые, например, Правительством РФ, полностью соответствовали бы Регламенту Правительства РФ. Разработчики проектов НПА уклоняются от обозначения измеримых целей регулирования, они подменяются, например, количеством выданных разрешений, рассмотренных жалоб; в «административном нормотворчестве целесообразность легко подавляет законность, и никакие отрицательные заключения по результатам оценки регулирующего воздействия, возражения рабочих групп не являются непреодолимыми препятствиями к введению нормативного правового акта в действие» [26].

«Умное регулирование». Оценка регулирующего воздействия. Оценка регулирующего воздействия (ОРВ) как процедура оценки эффективности законодательства впервые появилась в Австралии [27. С. 4] в начале 1970 г. Она возникла в рамках концепции «Умное регулирование», направленной на создание эффективного законодательства с участием государства и заинтересованных групп лиц (бизнес, потребители). Создание эффективного законодательства, как следует из данной концепции, возможно при соблюдении условий: «упрощения» законодательства; учета мнений законодателя и заинтересованной группы лиц; применение комплексного подхода, направленного на совершенствование как принятого закона, так и законопроекта [28].

Показателями эффективности умного регулирования выступают: «соотношение затрат и эффективности, соотношение выгод и затрат, оценка чистой выгоды и отдача от государственных инвестиций». В разных сферах регулирования данные критерии могут отличаться.

В основе критерия «соотношение выгод и затрат» учитываются трансакционные издержки государства и субъектов, на которых будут распространяться вводимые обязательства. К затратам государства относят затраты на «подготовку, утверждение, осуществление нормативного решения, а также контроль его исполнения» [27. С. 4]; к издержкам субъектов, на которых распространяются требования правового акта, – затраты на поиск информации, ведение переговоров, заключение контракта, мониторинг, принуждение, защиту права собственности [29].

Как следует из Доклада ЕС «Практика лучшего регулирования в Европейском союзе 2022», сущностью концепции умного регулирования является «определение процесса достижения целей регулирования на момент принятия нормативного правового акта» [30], а центром ее внимания – «проблема, которую необходимо решить, а не правило поведения, которое должно быть разработано» [31. С. 19].

Концепция умного регулирования пришла на смену концепций меньшего и лучшего регулирования. Концепция меньшего регулирования базируется на принципе оптимального уровня вмешательства государства в регулирование общественных отношений с целью избежания зарегулированности; концепция лучшего регулирования направлена на разумное упрощение правил осуществления предпринимательства посредством использования механизмов саморегулирования, совместного регулирования, ускорения законодательного процесса и др. Европейская комиссия, сравнивая эти

три концепции, в отношении концепции умного регулирования отметила, что «это не про большое или меньшее регулирование, это про достижение результата наименее обременительным способом» [31. С. 17]. Иными словами, здесь речь идет о критерии соотношения выгод и затрат.

В Российской Федерации появление процедуры ОРВ как модели оценки эффективности законодательства связывают с принятием постановления Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации». Постановление предусматривало привлекать в случае необходимости внештатных экспертов для подготовки заключений по НПА федеральных органов исполнительной власти, представленных на государственную регистрацию, или для проведения правовой экспертизы на предмет необходимости государственной регистрации указанных актов. Сами же Правила предусматривали направление финансово-экономического обоснования по проекту НПА в Министерство финансов РФ с целью оценки финансовых последствий принятия решений для соответствующего бюджета.

В 2010 г. Министерством экономического развития РФ был создан Департамент регулирующего воздействия (в настоящее время – Департамент регуляторной политики и оценки регулирующего воздействия), а в 2012 г. были приняты Правила проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, утвержденные постановлением Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 (далее Правила ОРВ).

Согласно п. 4 Правил ОРВ, целью оценки регулирующего воздействия проектов актов являются: определение и оценка возможных положительных и отрицательных последствий принятия проекта акта на основе анализа проблемы, цели ее регулирования и возможных способов решения; выявление в проекте положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц или способствующих их введению, способствующих возникновению необоснованных расходов физических и юридических лиц, бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ, а также положений, способствующих возникновению дополнительных расходов и снижению доходов бюджетов субъектов РФ и (или) местных бюджетов.

ОРВ на первом этапе предусматривает публичное обсуждение вопроса о принятии НПА. При принятии положительного решения разработчик готовит текст проекта акта, сводный отчет, информацию об оценке затрат субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, связанных с необходимостью соблюдения обязательных требований. Проект правового акта подлежит публичному обсуждению, а после его принятия – официальному опубликованию.

Оценка фактического воздействия

Вслед за процедурой ОРВ в зарубежных странах возникла и процедура – оценка фактического воздействия (ОФВ). Ею сутью является выявление соответствия поставленных целей перед принятием НПА и их достижения после его применения.

В России ОФВ стала применяться с 1 января 2016 г. после принятия Правил проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 30.01.2015 № 83 (далее Правила ОФВ).

ОФВ правовых актов проводится в целях анализа достижения целей регулирования, заявленных в сводном отчете о результатах проведения ОРВ, обоснованности установленных обязательных требований, определения и оценки фактических последствий их установления, выявления избыточных условий, ограничений, запретов, обязанностей, положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской и иной экономической деятельности и (или) приводящих к возникновению необоснованных расходов бюджетов бюджетной системы РФ, определения и оценки фактических положительных и отрицательных последствий принятия НПА (п. 3 Правил ОФВ).

Вышеперечисленных критериев оценки эффективности законодательства в Правилах ОФВ, на наш взгляд, явно недостаточно для определения реальной эффективности НПА. Например, в процедуре ОФВ для оценки достижения целей регулирования, заявленных в сводном отчете о результатах проведения ОРВ, отсутствует анализ правового механизма реализации правового акта, без которого даже качественный акт с точки зрения юридической техники не может достигнуть целей его принятия. Как отмечают специалисты, при применении ОФВ «оценке подлежит не правовая форма регулирования общественных отношений, а сами экономические механизмы и прогноз социально-экономических последствий применения правовых норм» [32. С. 19]. Процедура ОФВ не предусматривает также выявление социального эффекта от реализации проекта акта для разных категорий граждан, осуществление анализа периодичности внесения изменений и дополнений в правовой акт, а также факты наличия/отсутствия оспариваемости акта. Данные факторы не могут не отразиться на качестве НПА и его эффективности [33].

Механизм осуществления процедуры ОФВ предусмотрен Методикой оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, формы проектов плана проведения федеральным органом исполнительной власти оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, формы отчета об оценке фактического воздействия нормативного правового акта, утвержденной приказом Минэкономразвития России от 11.11.2015 № 830. В литературе обращается внимание на то, что и в них речь в основном идет об экономических показателях эффектов фактического воздействия, что существенно ограничивает формирование общего объективного понимания

регуляторных эффектов обязательных требований в части соотношения самих требований, экономических выгод и издержек, связанных с их соблюдением, и снижает ценность самой методики [34].

Процедура проведения ОФВ состоит из следующих этапов: подготовка отчета об ОФВ правового акта и его публичное обсуждение; подготовка заключения Министерства экономического развития РФ об ОФВ правового акта; рассмотрение комиссией/подкомиссией отчета об ОФВ правового акта и заключения Министерства экономического развития РФ об ОФВ правового акта.

Необходимо отметить, что в отдельных сферах регулирования ОФВ отсутствует. Например, она не предусмотрена в сфере финансового рынка. В то же время ее внедрение, как отмечается в литературе, будет только способствовать улучшению правового регулирования финансового рынка [35].

Принципы установления обязательных требований

Процедуры ОРВ и ОФВ были модернизированы после принятия Закона об обязательных требованиях. Данный закон посвящен установлению и оценке обязательных требований, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности (ч. 1 ст. 1), и которые подлежат оценке на предмет их эффективности (ст. 11, 12).

Законом об обязательных требованиях предусмотрено, что обязательные требования могут быть установлены: федеральными законами; Договором о ЕАЭС; актами, составляющими право ЕАЭС; положениями международных договоров РФ, не требующих издания внутригосударственных актов для их применения и действующими в РФ; НПА субъектов РФ, муниципальными НПА; в случаях, предусмотренных федеральными законами, – указами Президента РФ; в случаях, предусмотренных федеральными законами и указами Президента РФ, – НПА Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти; НПА Государственных корпораций «Росатом» и «Роскосмос» (далее – уполномоченные организации).

Таким образом, обязательные требования, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, могут быть установлены в актах разного уровня и разной юридической силы. Исключением являются обязательные требования, предусматривающие установление в отношении граждан и организаций разрешительных режимов. Они могут быть предусмотрены федеральными законами, а в случаях, определенных ими, – НПА Президента РФ и Правительства РФ. В то же время содержание Закона об обязательных требованиях рассчитано на обязательные требования, установленные НПА Правительства России, федеральных органов исполнительной власти и уполномоченных организаций.

Установление и оценка применения обязательных требований основывается на принципах законности, обоснованности, правовой определенности и системности, открытости и предсказуемости, исполнимости обязательных требований (ст. 4 Закона об обязательных требованиях).

Принцип законности раскрывается через цель установления обязательных требований – защита жизни, здоровья людей, нравственности, прав и законных интересов граждан и организаций, непричинения вреда (ущерба) животным, растениям, окружающей среде, обороне страны и безопасности государства, объектам культурного наследия, защиты иных охраняемых законом ценностей (ст. 5).

Принцип обоснованности предполагает, что обязательные требования могут быть установлены только при наличии риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, а целью их установления является устранение риска причинения вреда; при их установлении должны быть оценены на предмет эффективности применяемые альтернативные меры по недопущению причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям (ст. 6).

Принцип правовой определенности и системности исходит из того, что содержание обязательных требований должно быть ясным, логичным, понятным, не должно приводить к противоречиям при их применении, а также должно быть согласованным с целями и принципами законодательного регулирования соответствующей сферы регулирования и правовой системы в целом. Системность обязательных требований предполагает также запрет на их дублирование и противоречия между ними (ст. 7).

Принцип открытости означает публичное обсуждение проектов НПА, устанавливающих обязательные требования; обязательные требования, содержащиеся в не опубликованных в установленном порядке НПА, не подлежат применению; НПА, содержащие обязательные требования, должны быть опубликованы с соблюдением надлежащей процедуры и размещены на официальных сайтах соответствующих органов государственной власти (ст. 8).

Принцип предсказуемости предполагает установление разумных сроков вступления в силу НПА, устанавливающего обязательные требования, которые должны учитывать время, необходимое государственным органам, гражданам и организациям для подготовки и осуществления соответствующей деятельности (ст. 8). Данные НПА должны вступать в силу либо с 1 марта, либо с 1 сентября соответствующего года, но не ранее чем через 90 дней после дня его официального опубликования, если иное не предусмотрено федеральным законом, указом Президента РФ или международным договором РФ (ст. 3 Закона об обязательных требованиях).

До настоящего времени данные положения закона не нашли своего отражения в Федеральном законе «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» от 14.06.1994 № 5-ФЗ и Указе Президента РФ «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» от 23.05.1996 № 763, что означает отход от принципа правовой определенности и системности обязательных требований.

Принцип предсказуемости проявляется также в том, что НПА, содержащие обязательные требования, действуют в строго очерченных законом временных рамках: срок действия НПА Правительства РФ, федерального органа исполнительной власти или уполномоченной организации, предусматривающего обязательные требования, не может превышать шесть лет со дня вступления в силу, за исключением случаев, установленных федеральным законом или принятыми в соответствии с ним НПА Правительства РФ. Данный срок может быть продлен не более чем на шесть лет.

Так же как и по срокам вступления в силу НПА, содержащих обязательные требования к осуществлению предпринимательской деятельности, положения Указа Президента РФ «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» о сроках действия НПА, содержащих обязательные требования, не приведены в соответствие со ст. 3 Закона об обязательных требованиях.

Принцип исполнимости означает, что при введении обязательных требований должны оцениваться затраты на их исполнение лиц, в отношении которых они устанавливаются. Они не должны быть чрезмерными, превышать предполагаемый объем убытков от предпринимательской или иной экономической деятельности, осуществленной без учета соблюдения устанавливаемых обязательных требований (ст. 9).

Из вышеизложенного следует, что в основе принципов установления обязательных требований заложены отдельные конституционные принципы и ценности, критерии оценки эффективности законодательства, предусмотренные процедурами ОРВ, ОФВ и экономического анализа права. Не случайно отдельные авторы рассматривают данные принципы в качестве критериев оценки эффективности законодательства [36. С. 166].

Заключение

В российском законодательстве, как и в зарубежных правовых системах, предусмотрены разнообразные процедуры оценки эффективности законодательства. Отдельные рассмотренные в статье процедуры несовершенны, что в конечном счете может отразиться на качестве законодательства. Например, не определены понятие, содержание, роль, механизм осуществления различных видов экспертиз в отношении проектов НПА; пояснительные записки и финансово-экономические обоснования к проектам НПА не предусматривают описание социального эффекта от реализации проекта акта; ОФВ не предусматривает анализа наличия должного правового механизма реализации правового акта и периодичности внесения изменений и дополнений в акт, наличия/отсутствия оспариваемости акта, выявления социального эффекта от его реализации; в отдельных сферах регулирования отсутствует ОФВ.

Эффективность законодательства зависит от многих факторов, выступающих в качестве конституционных принципов и ценностей, принципов установления обязательных требований, критериев ОРВ и ОФВ, критериев концепции экономического анализа права. Например,: а) от соответствия положений НПА принципам справедливости, пропорциональности, разумности, защиты слабой стороны и др.; б) определения в НПА цели регулирования; в) отсутствия в НПА избыточных условий, ограничений, запретов, обязанностей; г) выбора наиболее эффективной модели регулирования из круга альтернативных способов регулирования; д) отсутствия в НПА положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской и иной экономической деятельности; е) отсутствия в НПА положений, приводящих к возникновению необоснованных расходов бюджетов бюджетной системы РФ или расходов субъектов предпринимательства; ж) степени разработанности понятийного аппарата; з) четкости формализованных процедур обсуждения и принятия НПА и др. При оценке эффективности законодательства между ними (факторами, критериями) должен быть достигнут баланс, что является сложно разрешаемой задачей.

Поднятые в статье проблемы оценки эффективности законодательства могли бы найти свое решение в Федеральном законе «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». Необходимость его принятия очевидна для многих, и для этого осуществлена большая работа: было разработано несколько проектов такого закона, которые, к сожалению, либо не вносились на рассмотрение в Государственную Думу РФ, либо были отклонены.

В отношении инициативного проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», разработанного в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, А.Ю. Тихомиров, один из его разработчиков, заметил, что в нем на системной научно-теоретической основе создана реальная конструкция творчества и правоприменения, разработаны классификация правовых актов и принципы, которыми надо руководствоваться в процессе их подготовки и принятия. Это должно способствовать обеспечению процесса целеполагания реальным процессам администрирования, исполнения нормативных правовых актов и оценкой их эффективности [37].

Высказаны и противоположные точки зрения. Например, что его «принятие приведет к бюрократизации нормотворческого процесса; возникновению дополнительных оснований для признания принятого документа несоответствующим Конституции, иным документам в рамках конституционного судопроизводства, производства в иных судебных инстанциях; подведение под единый стандарт широкий понятийный аппарат, который традиционно является объектом скорее научно теоретического осмысления и казуального (теологического) толкования»¹.

¹ URL: [https:// www.oleg-derbin.ru](https://www.oleg-derbin.ru) (дата обращения: 14.09.2024).

Тем не менее Российская Федерация – одна из немногих стран бывшего СНГ, где еще не принят такой закон. Анализ законов о нормативно-правовых актах стран бывшего СНГ свидетельствует об их высоком потенциале. Например, в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17.07.2018 № 130-З закреплены основные понятия, связанные с тематикой законов, принципы нормотворчества, дана классификация правовых актов, закреплен механизм принятия нормативных правовых актов и др. Приятно удивили многие положения закона, особо актуальных для российского законодательства. Например, о языковых требованиях к тексту НПА («одно предложение в рамках одного структурного подразделения, как правило, не должно превышать шести строк» (ст. 29)); мерах по обеспечению стабильности правовой системы («Изменение законодательного акта допускается, как правило, не чаще одного раза в два года, а изменение иного нормативного правового акта – не чаще одного раза в год, за исключением случаев, когда внесение изменений необходимо для оперативного регулирования наиболее важных вопросов, а также на основании требований нормативных правовых актов большей юридической силы» (ст. 35)).

В отсутствие в РФ базового закона о НПА общие положения о принятии, изменении, применении НПА рассредоточены в разных актах. Например, в ч. 7 ст. 3 Закона об обязательных требованиях закреплены правила о выборе актов разной юридической силы, посвященных одному и тому же объекту и предмету регулирования, о применении актов разной юридической силы, содержащих противоречащие друг другу обязательные требования; в ч. 3 ст. 7 – о непротиворечии обязательных требований, установленных в отношении одного и того же предмета регулирования. Данные положения закона претендуют на их универсальность, а это предполагает, что они, а также иные универсальные правила о принятии, изменении, применении НПА в целях устранения противоречий и дублирования должны быть установлены в законе о нормативных правовых актах, положения которого распространялись бы на все виды НПА.

Список источников

1. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. 528 с.
2. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. Д. Узлавера. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 368 с.
3. Сеницын С.А. Экономика и право: контуры взаимодействия в современном мире // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 2. С. 139–146.
4. Сеницын С.А. Экономический анализ права: возможности и ограничения, риски абсолютизации подхода // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 47–60.
5. Суханов Е.А. О взаимодействии правовых и экономических подходов в изучении имущественных отношений // Вестник Московского государственного университета. Сер. 11. Право. 2023. Т. 64, № 6. С. 80–95.
6. Шишкин С.Н. Правовой анализ экономики: постановка проблемы, конституционные критерии // Бизнес. Менеджмент. Право. 2020. № 1. С. 16–20.
7. Лушников А.М. «Экономический анализ права» и юриспруденция: различия и общие подходы // Lex Russica. 2017. № 8 (129). С. 87.

8. Печатнова Ю.В. Применение экономического анализа в отечественном праве // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 56–64.
9. Должников А.В. Анализ издержек и выгод в публичном праве // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 2. С. 34–42.
10. Блохин П.Д. Экономический анализ в публичном праве: от теории к практике // Закон. 2021. № 11. С. 95–103.
11. Шаблова Е.Г., Шибин А.В. Экономический анализ частного права: значение для правотворчества и правоприменения в Российской Федерации // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2012. № 6. С. 128–136.
12. Семякин М.Н. Экономический анализ права в России: проблемы и перспективы развития // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 6. С. 49–58.
13. Момотов В.В. Экономический анализ права в системе юридической методологии: сфера применения // Вестник Московского государственного университета. Сер. 11. Право. 2018. № 6. С. 3–18.
14. Момотов В.В. Экономическая эффективность права как цель правового регулирования // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 29–35.
15. Губин Е.П. Экономическая деятельность, экономические права и их защита в контексте соотношения права и экономики // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 3–10.
16. Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 окт. Федеральный выпуск № 7689 (226).
17. Поляков А.В. Эффективность правового регулирования: коммуникативный подход // Эффективность правового регулирования / под общ. ред. А.В. Денисенко, М.А. Беляева. М. : Проспект, 2017. С. 11–25.
18. Домченко А.С. Критерии оценки эффективности правовых норм и нормативных правовых актов органов публичного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 5. С. 36–40.
19. Герасимов О.А. Эффективность правового регулирования предпринимательской деятельности в реальном секторе экономики России (на примере отдельных отраслей) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 56 с.
20. Белых В.С. Экономический анализ права: спорные вопросы теории и практики // Предпринимательское право. 2021. № 4. С. 3–10.
21. Пашков А.С., Явич Л.С., Спиридонов Л.И. и др. Эффективность действия правовых норм / редкол.: проф. Пашков А.С. (отв. ред.) и др. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 143 с.
22. Бондаренко Н.Л., Конаневич Ю.Г. Юридическая квалиметрия как новая отрасль правового научного знания // Право.by. 2022. № 5. С. 117–124.
23. Мамай Е.А. Эффективность правоприменительных процедур: теория, практика, техника / под науч. ред. В.А. Толстика. М. : Юрлитинформ, 2012. 221 с.
24. Анисифорова М.В. Научная правовая экспертиза как гарантия качества административно-правовых норм // Административное право и процесс. 2020. № 9. С. 27–31.
25. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М. : Прометей, 1999. 419 с.
26. Зырянов С.М., Варгова Д. Разрешительный метод регулирования предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2022. № 11. С. 74–90.
27. Купряшин Г.Л., Сарычева Н.Н. Концепция «умного регулирования»: зарубежный опыт и возможность его применения в государственном управлении России // Вестник МГУ. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2013. № 2. С. 3–20.
28. Карпова П.Г., Цыганков Д.Б. Советы по оптимизации регулирования как неотъемлемый компонент «smart regulation» // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 3. С. 5–34.
29. Бондаренко Н.Л. Эффективное гражданское законодательство как фактор, снижающий трансакционные издержки // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 1 (3). С. 35–40.

30. Белицкая А.В., Лаутс Е.Б. Правовая концепция «умного регулирования» финансового рынка // *Банковское право*. 2023. № 2. С. 7–15.
31. Давыдова М.Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правосудия // *Журнал российского права*. 2020. № 11. С. 14–29.
32. Дидикин А.Б. Мониторинг фактического воздействия в системе правовых средств улучшения регуляторной среды // *Мониторинг фактического воздействия в системе правовых средств регуляторной политики / Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики* : сб. науч. тр. / под ред. А.Б. Дидикина. М. : Проспект, 2019. С. 5–17.
33. Тихомиров Ю.А. Эффективность закона: от цели к результату // *Журнал российского права*. 2009. № 4. С. 3–9.
34. Зарембо С.А. Эффективность административных актов таможенных органов // *Юрист*. 2023. № 9. С. 58–62.
35. Белицкая А.В., Лаутс Е.Б. Эффективность правового регулирования финансового рынка // *Право и бизнес. Приложение к журналу «Предпринимательское право»*. 2023. № 2. С. 18–25.
36. Хлуденева Н.И. Оценка эффективности применения эколого-правовых ограничений экономической деятельности в России // *Журнал российского права*. 2021. № 4. С. 157–172.
37. Тихомиров Ю.А. Систематика в праве в условиях глобальной нестабильности // *Журнал российского права*. 2022. № 5. С. 5–18.

References

1. Karapetov, A.G. (2016) *Ekonomicheskiy analiz prava* [Economic Analysis of Law]. Moscow: Statut.
2. Shapiro, I. (2011) *Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh* [Escape from Reality in the Humanities]. Translated from English by D. Uzlaner. Moscow: HSE.
3. Sinitsyn, S.A. (2019) *Ekonomika i pravo: kontury vzaimodeystviya v sovremennom mire* [Economics and Law: Contours of Interaction in the Modern World]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*. 89(2). pp. 139–146.
4. Sinitsyn, S.A. (2022) *Ekonomicheskiy analiz prava: vozmozhnosti i ogranicheniya, riski absolyutizatsii podkhoda* [Economic Analysis of Law: Possibilities and Limitations, Risks of Absolutizing the Approach]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 1. pp. 47–60.
5. Sukhanov, E.A. (2023) *O vzaimodeystvii pravovykh i ekonomicheskikh podkhodov v izuchenii imushchestvennykh odnosheniy* [On the Interaction of Legal and Economic Approaches in the Study of Property Relations]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 64(6). pp. 80–95.
6. Shishkin, S.N. (2020) *Pravovoy analiz ekonomiki: postanovka problemy, konstitutsionnye kriterii* [Legal Analysis of the Economy: Statement of the Problem, Constitutional Criteria]. *Biznes. Menedzhment. Pravo*. 1. pp. 16–20.
7. Lushnikov, A.M. (2017) “*Ekonomicheskiy analiz prava*” i yurisprudentsiya: razlichiya i obshchie podkhody [“Economic Analysis of Law” and Jurisprudence: Differences and Common Approaches]. *Lex Russica*. 8(129). p. 87.
8. Pechatnova, Yu.V. (2023) *Primenenie ekonomicheskogo analiza v otechestvennom prave* [Application of Economic Analysis in Domestic Law]. *Permskiy yuridicheskiy al'manakh*. 6. pp. 56–64.
9. Dolzhenkov, A.V. (2023) *Analiz izderzhkek i vygod v publichnom prave* [Cost-Benefit Analysis in Public Law]. *Pravoprimerenie*. 7(2). pp. 34–42.
10. Blokhin, P.D. (2021) *Ekonomicheskiy analiz v publichnom prave: ot teorii k praktike* [Economic Analysis in Public Law: From Theory to Practice]. *Zakon*. 11. pp. 95–103.
11. Shablova, E.G. & Shibin, A.V. (2012) *Ekonomicheskiy analiz chastnogo prava: znachenie dlya pravotvorchestva i pravoprimereniya v Rossiyskoy Federatsii* [Economic

Analysis of Private Law: Significance for Lawmaking and Law Enforcement in the Russian Federation]. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie*. 6. pp. 128–136.

12. Semyakin, M.N. (2018) Ekonomicheskiy analiz prava v Rossii: problemy i perspektivy razvitiya [Economic Analysis of Law in Russia: Problems and Development Prospects]. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu*. 6. pp. 49–58.

13. Momotov, V.V. (2018) Ekonomicheskiy analiz prava v sisteme yuridicheskoy metodologii: sfera primeneniya [Economic Analysis of Law in the System of Legal Methodology: Scope of Application]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 6. pp. 3–18.

14. Momotov, V.V. (2022) Ekonomicheskaya effektivnost' prava kak tsel' pravovogo regulirovaniya [Economic Efficiency of Law as the Goal of Legal Regulation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 1. pp. 29–35.

15. Gubin, E.P. (2018) Ekonomicheskaya deyatel'nost', ekonomicheskie prava i ikh zashchita v kontekste sootnosheniya prava i ekonomiki [Economic Activity, Economic Rights and Their Protection in the Context of the Relationship between Law and Economics]. *Predprinimatel'skoe pravo*. 3. pp. 3–10.

16. Zorkin, V. (2018) Bukva i dukh Konstitutsii [Letter and Spirit of the Constitution]. *Rossiyskaya gazeta*. 9th October. Federal issue No. 7689 (226).

17. Polyakov, A.V. (2017) Effektivnost' pravovogo regulirovaniya: kommunikativnyy podkhod [Efficiency of legal regulation: a communicative approach]. In: Denisenko, A.V. & Belyaev, M.A. (eds) *Effektivnost' pravovogo regulirovaniya* [Efficiency of Legal Regulation]. Moscow: Prospekt. pp. 11–25.

18. Domchenko, A.S. (2020) Kriterii otsenki effektivnosti pravovykh norm i normativnykh pravovykh aktov organov publichnogo upravleniya [Criteria for assessing the effectiveness of legal norms and regulatory legal acts of public administration bodies]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 5. pp. 36–40.

19. Gerasimov, O.A. (2022) *Effektivnost' pravovogo regulirovaniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti v real'nom sektore ekonomiki Rossii (na primere otdel'nykh otrasley)* [Efficiency of legal regulation of entrepreneurial activity in the real sector of the Russian economy (a case of individual industries)]. Abstract of Law Dr. Diss. Ekaterinburg.

20. Belykh, V.S. (2021) Ekonomicheskiy analiz prava: spornye voprosy teorii i praktiki [Economic Analysis of Law: Controversial Issues of Theory and Practice]. *Predprinimatel'skoe pravo*. 4. pp. 3–10.

21. Pashkov, A.S., Yavich, L.S., Spiridonov, L.I. et al. (1977) *Effektivnost' deystviya pravovykh norm* [Efficiency of Legal Norms]. Leningrad: Leningrad State University.

22. Bondarenko, N.L. & Konanevich, Yu.G. (2022) Yuridicheskaya kvalimetriya kak novaya otrasl' pravovogo nauchnogo znaniya [Legal Qualimetry as a New Branch of Legal Scientific Knowledge]. *Pravo.by*. 5. pp. 117–124.

23. Mamay, E.A. (2012) *Effektivnost' pravoprimenitel'nykh protsedur: teoriya, praktika, tekhnika* [Efficiency of Law Enforcement Procedures: Theory, Practice, Technique]. Moscow: Yurlitinform.

24. Anisiforova, M.V. (2020) Nauchnaya pravovaya ekspertiza kak garantiya kachestva administrativno-pravovykh norm [Scientific legal expertise as a guarantee of the quality of administrative-legal norms]. *Administrativnoe pravo i protsess*. 9. pp. 27–31.

25. Maltsev, G.V. (1999) *Ponimanie prava. Podkhody i problemy* [Understanding the law. Approaches and problems]. Moscow: Prometei.

26. Zyryanov, S.M. & Vargova, D. (2022) Razreshitel'nyy metod regulirovaniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti [The permit method of regulating entrepreneurial activity]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 11. pp. 74–90.

27. Kupryashin, G.L. & Sarycheva, N.N. (2013) Kontseptsiya “umnogo regulirovaniya”: zarubezhnyy opyt i vozmozhnost' ego primeneniya v gosudarstvennom upravlenii Rossii [The concept of “smart regulation”: foreign experience and the possibility of its application in public

administration of Russia]. *Vestnik MGU. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 2. pp. 3–20.

28. Karpova, P.G. & Tsygankov, D.B. (2012) Sovety po optimizatsii regulirovaniya kak neot"emlemyy komponent "smart regulation" [Recommendations on regulation optimization as an integral component of "smart regulation"]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 3. pp. 5–34.

29. Bondarenko, N.L. (2016) Effektivnoe grazhdanskoe zakonodatel'stvo kak faktor, snizhayushchiy transaktsionnye izderzhki [Effective civil legislation as a factor reducing transaction costs]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 1(3). pp. 35–40.

30. Belitskaya, A.V. & Lauts, E.B. (2023) Pravovaya kontsepsiya "umnogo regulirovaniya" finansovogo rynka [Legal concept of "smart regulation" of the financial market]. *Bankovskoe pravo*. 2. pp. 7–15.

31. Davydova, M.L. (2020) "Umnnoe regulirovanie" kak osnova sovershenstvovaniya sovremennoy pravotvorchestva ["Smart Regulation" as a Basis for Improving Modern Lawmaking]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 11. pp. 14–29.

32. Didikin, A.B. (2019) Monitoring fakticheskogo vozdeystviya v sisteme pravovykh sredstv uluchsheniya regulatorynoy sredy [Monitoring the Actual Impact in the System of Legal Means for Improving the Regulatory Environment]. In: Didikin, A.B. (ed.) *Monitoring fakticheskogo vozdeystviya v sisteme pravovykh sredstv regulatorynoy politiki* [Monitoring the Actual Impact in the System of Legal Means of Regulatory Policy / Regulatory Policy in Russia: Proceedings Problems of Theory and Practice]. Moscow: Prospekt. pp. 5–17.

33. Tikhomirov, Yu.A. (2009) Effektivnost' zakona: ot tseli k rezul'tatu [Effectiveness of the Law: From Goal to Result]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 4. pp. 3–9.

34. Zarembo, S.A. (2023) Effektivnost' administrativnykh aktov tamozhennykh organov [Effectiveness of Administrative Acts of Customs Authorities]. *Yurist*. 9. pp. 58–62.

35. Belitskaya, A.V. & Lauts, E.B. (2023) Effektivnost' pravovogo regulirovaniya finansovogo rynka [Effectiveness of Legal Regulation of the Financial Market]. *Pravo i biznes. Prilozhenie k zhurnalu "Predprinimatel'skoe pravo."* 2. pp. 18–25.

36. Khludeneva, N.I. (2021) Otsenka effektivnosti primeneniya ekologo-pravovykh ogranicheniy ekonomicheskoy deyatel'nosti v Rossii [Evaluation of the effectiveness of environmental and legal restrictions in the Russian economic activity]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 4. pp. 157–172.

37. Tikhomirov, Yu.A. (2022) Sistematika v prave v usloviyakh global'noy nestabil'nosti [Systematics in law in the context of global instability]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 5. pp. 5–18.

Информация об авторе:

Кванина В.В. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия); старший научный сотрудник Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kvaninavv@susu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Kvanina, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvaninavv@susu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.10.2024;
одобрена после рецензирования 02.02.2025; принята к публикации 19.03.2025.*

*The article was submitted 14.03.2024;
approved after reviewing 12.05.2024; accepted for publication 19.03.2025*